

ДВЕ РУССКИЕ КАРМЕН ПОКОРИЛИ ПАРИЖ

Одна — Дон Жуан в юбке, другая — бандерша

Современные «эмансип» могли бы кое-чему поучиться у этой героини новеллы и оперы. Не всякая женщина, добивающаяся равенства в деятельности, обретает вместе с тем внутреннюю свободу, которая позволяет декларировать: «Убей или дорогу дай!»

Каким-то непостижимым образом полудикая испанская цыганка — плод фантазии французского писателя Проспера Мериме — являет собой прообраз эмансипированной женщины, к тому же абсолютной демократки, которая ничего не навязывает другим, но собственную независимость считает неприкосновенной. Роль на редкость выигрышная для любой актрисы и певицы, к тому же композитор награждал свою героиню самыми упоительными в мировой оперной литературе мелодиями.

Ни одну оперу мирового репертуара не «заиграли», запели и затанцевали до такой степени. Жаль, что не суждено было встретить самому композитору свою гадалку на манер Карменситы, которая предсказала бы Жоржу Бизе невиданную популярность!

В начале карьеры ничто не предвещало драмы, ему везло, его ставили, и Кармен должна была стать очередным его триумфом, а стала поражением. Его современники не только усмотрели непристойность в сюжете оперы, они восприняли как вызов все: от персонажей до музыкального материала. На сцене толкался сброд — работники фабрики, солдаты, контрабандисты и прочий плебс, и никаких «благородных мелодий»! Фабула более чем сомнительная: фатальная любовь не какого-нибудь Дона Карлоса или египетской царевны, а ничтожного солдата, родом из крестьян, к, извините великодушно, путане... Скандал разразился несусветный, критика набросилась на композитора с откровенной яростью, защищая общественный вкус... Нарушение условностей усмотрели даже в свежести и новизне тематического материала, оперу объявили «немелодичной»! Композитора до такой степени потрясло единодушное осуждение, что и без того хрупкое здоровье его было окончательно подорвано, и он скончался ровно через три месяца после премьеры — 3 июня 1875 года. Премьера прошла 3 марта 1875 года в парижской «Опера Комик»...

Не то удивительно, что «Кармен» постоянно ставится и возобновляется в Париже, а то, что в этом сезоне здесь идут одновременно две «Кармен», и обе постановки связаны с русскими исполнителями. То ли в нашей славянской натуре французы усматривают нечто родственное пламенной душе героини Бизе, то ли снова в Европе мода на «очи черные», а цыганские они или русские — поди-ка разберись...

Два из самых престижных театров Парижа в этом сезоне постоянно делают полные сборы на «русском материале». В «Опере Бастилии» поет русская Кармен — солистка Мариинского театра **Ольга Бородина**, а в «Театре на Елисейских полях» — труппа «Геликон-оперы» из Москвы. Публика демонстрирует невиданный энтузиазм по отноше-

нию к российским «карменситам».

И действительно, Ольга Бородина в роли Кармен — событие первого плана! Чудный глубокий контрабасный тембр, неспешная плавная манера разворачивать музыкальный материал, стремительное восхождение к кульминациям, тонкое понимание деталей и, наконец, недюжинный актерский талант! Звучит как панегирик? Но прима Мариинки достойна и большего. Наступило время называть наших выдающихся артистов именами, не стесняясь. К тому же наши звезды так ярко горят на артистическом небосклоне Европы, что замалчивать этот факт не может даже антироссийский настроенная местная пресса.

Постановка спектакля в «Опера-Бастиль» вполне традиционная — красивая и тягловая: декорация для всех актов одна и та же, но зато дорогая. Она живописует многояркие трибуны арены цирка для проведения корриды. Масовка многолюдна, нарядна и подвижна. Оригинальны костюмы — для их эскизов взяты одежды персонажей картин Франсиско Гойи.

торжествует смерть, потому что этот праздник — коррида.

Ольга Бородина, босоногая и пластичная, появляется и сразу начинает доминировать абсолютно во всех сценах и ансамблях. Первым не выдерживает этого соревнования Хозе — Гёста Уинберг, белокурый швед, создавший довольно рыхлый образ испанского героя. Его голос хорошо звучал в партиях Фауста (1993) и Лоэнгрина (1996, 1999) на той же самой сцене. Для «Кармен» ему не хватило... более скромной по дарованию партнерши, чем русская певица. О других партнерах Ольги Бородиной можно сказать то же самое — они были бы не плохи, если бы Кармен не обладала столь выдающимся артистическим и вокальным дарованием. Да что и говорить, в недавнем спектакле Мариинского театра «Дон Карлос» Бородина перепела Пауту Бурчулалзе! Секрет успеха Бородиной в ее органичности. Она — певица героического плана, и Кармен у нее стала настоящим Дон Жуаном в юбке.

А в «Геликон-опере» Кармен — циничная «бандерша», которая приносит в жертву своему эгоизму всех и вся, в первую

По сравнению с этими «новашками» спектакль «Геликон-оперы» выглядит грамотным возвращением к первоисточнику, подкрепленным эстетикой классических американских голливудских фильмов вроде «Вестсайдской истории».

Творческий почерк руководителя «Геликона» сформировался в русле полистилистики. Бертман не только не чужается эклектики, а использует любую возможность подчеркнуть ее: визуальные параметры спектакля представляют собой гремучую смесь разнотипных элементов от кабаре «Мулен Руж» до конструктивизма Мейерхольда. Исполнительница роли Кармен одета, как транссексуалы в аллея Булонского леса, Эскамильо выступает таким опереточным испанским грандом. Персонажи в нелепых лохмотьях, которые как будто пришли из пьес Брехта. А интерьер вообще ничем не напоминает ни город, ни деревню, ни Испанию, никакое другое государство. Главным элементом декорации и одновременно действующим лицом является старый ржавый остов автомобиля, который становится то местом свидания, то публичным домом, то... быком на корриде. Даже фары автомобиля включаются, чтобы подчеркнуть какой-нибудь драматический акцент.

Что касается пения и оркестра — тут никакого модернизма, все по правилам хорошего тона, и отсюда признательность и уважение публики. Если в Москве Бертман может себе позволить эпатировать публику японской Татьяной, которая получается отнюдь не «та самая», или Екатериной Измайловой, орущей «иерихонской трубой», то в Париже Лариса Костюк поет корректным mezzo-сопрано, Владимир Заплетный — несколько напряженным, но звучным тенором, а Игорь Тарасов — красивым баритоном. Оркестр звучит совершенно сбалансированно. После крохотного зала Театра на Никитской, где оркестр сидит «на голове» у публики, оркестровая яма «Театра на Елисейских полях» представляет собой тот идеал, о котором мечтают не только поклонники «Геликон-оперы», а в первую очередь — сами певцы...

Признак несомненных перспектив театра — реакция **Мстислава Леопольдовича Ростроповича**. Он — безукоризненный эксперт по талантам — записал Дмитрия Бертмана и коллектив «Геликона» в свой актив. Уже на следующий день после премьеры Ростропович пригласил Бертмана на свою квартиру на авеню Жорж Мандел и подробно обговорил параметры сотрудничества. Буквально через несколько дней на своей пресс-конференции мэтр назвал «гвоздем программы» очередного музыкального фестиваля в Эвиане, которым руководит «Геликон-опера» с новой постановкой «Летучей мыши». Сам маэстро, разумеется, будет за пультом, а «роль» оперного оркестра на сей раз будет отдана Национальному оркестру Литвы. Поставит «Летучую мышь» Бертман. Боюсь, режиссер придумает что-нибудь «этакое», и придется героине летать над Эвианом на вертолете и опускаться с парашютом...

● Виктория ГАНЧИКОВА
Париж

«Опера Бастилии». Кармен — Ольга Бородина

Аргентинский режиссер Альфредо Ариас, проживший тридцать лет в Париже, главной идеей постановки спектакля называет стремление вернуться к первоисточнику, той опере, которую автор назвал комической. Он восстановил полный текст, включая диалоги. «На самом деле — это, конечно, не комическая опера и не оперетта. Это — фантазматическая бездна смерти. Миф о Кармен мне очень близок по культуре. Еще ближе оказался Гойя, потому что у него как раз то сочетание фантазма и реальности, комизма и страшной действительности, до которого мы хотели подняться в нашей постановке», — говорит режиссер. Ему удалось создать атмосферу праздника, на котором победу

очередь любовь Хозе. Сказать, что Дмитрий Бертман, постановщик «Кармен» в «Геликон-опере», пораил парижскую публику, как привык поражать московскую очередной новацией, нельзя. Публика восприняла спектакль как классику, выверенную и профессионально исполненную. В Париже «новаторов» предостаточно — каждый день в каком-нибудь театре «опрокидывают» традицию. Приходилось видеть и балет ультрамодернистского толка по «Преступлению и наказанию» Достоевского и гомосексуальные «решения» оперной и балетной классики, начиная с «Лебединого озера» и кончая «Лоэнгрином». Исполнение чаще всего в таких случаях очень далеко от совершенства.